

Бейлис и другие. В Киеве увековечат «процесс»

Проект-инсталляция в память о деле Бейлиса

В начале прошлого века Киев редко попадал в сводки новостей — мировая, да и внутренняя политика вершилась не здесь — даже по численности населения «мать городов русских» была сопоставима разве что с Ригой и Лодзью, уступая Варшаве и Одессе, не говоря уж об обеих столицах империи. Тем примечательнее событие, в 1911 — 1913-м годах поставившее Киев в самый центр информационной повестки дня и оккупировавшее первые полосы ведущих газет мира. Речь о знаменитом процессе Бейлиса, на который откликнулись столь разные люди, как фантаст Герберт Уэллс и архиепископ Кентерберийский (к которому присоединились лидер Палаты общин и иерархи церкви), Александр Блок и будущие главы британского МИД Чемберлен и Бальфур, Томас Манн и Немирович-Данченко, выдающийся афроамериканский лидер Букер Вашингтон и Зинаида Гиппиус, и многие, многие другие.

Конгресс США в знак протеста против антисемитизма в России даже денонсировал заключенный в 1832 году русско-американский торговый договор.

Здание Присутственных мест за памятником Богдану Хмельницкому.
Иллюстрация: archunion.format.com.ua

Процесс проходил в самом сердце Киева — в тяжеловесном здании Присутственных мест между Софийским и Михайловским соборами (ныне здесь расположен Печерский суд). Сложно поверить, что столь яркий фрагмент публичной (пусть и негероической) истории Киева до сих пор не зафиксирован в городском пространстве. Исправить это призвана памятная инсталляция в виде действующей остановки общественного транспорта прямо у входа в Печерский суд — проект уже готов и проходит согласования в различных инстанциях.

Впрочем, обо все по порядку. 21 марта 1911 года ежедневная газета «Киевлянин» сообщила, что «...по Кирилловской улице ...случайно нашли в небольшой пещере труп мальчика... около которого лежал кожаный ученический пояс, несколько тетрадок, фуражка и куртка. Труп в одном нижнем белье, в неестественном полусогнутом полусидящем положении, был прислонен к стенке пещеры». Убитый, на теле которого обнаружили колотые

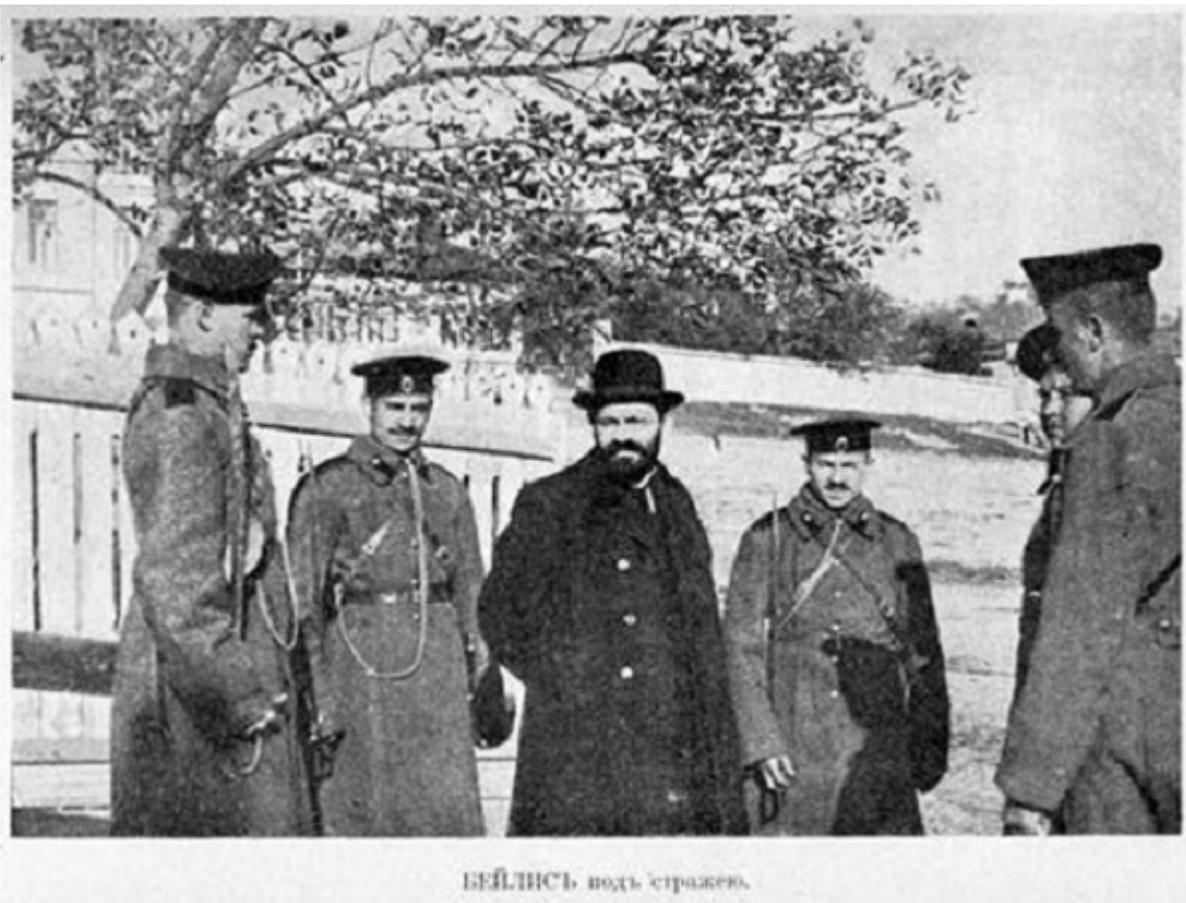
раны, оказался учеником Киевского духовного училища 12-летним [Андрюшей Ющинским](#). Едва началось следствие, еще до проведения судебно-медицинской экспертизы, на имя прокурора, начальника сыскного отделения, полицмейстера и т.д. стали приходить анонимки, обвиняющие в убийстве евреев, якобы замешивающих мацу на крови христианских детей (Песах в тот год приходился на 1 апреля).

Газета «Двуглавый орел» с фото «замученного жидами» отрока

Уже на похоронах мальчика члены [«Союза русского народа»](#) распространяли листовку с призывом «бить жидов, изгонять их, не прощать пролития православной крови!». Тезис о ритуальном убийстве был охотно подхвачен черносотенной прессой и правыми депутатами Государственной думы, запросившими правительство, что оно собирается предпринять для «расследования и недопущения иудейского ритуального убийства в будущем?». При этом государственные мужи стращали, мол, если «нет возможности обличить на суде иудея, режущего русского ребенка и выкачивающего из него кровь... будут еврейские погромы». Для Петербурга

все складывалось крайне удачно, ведь за пару месяцев до киевского убийства в Думе начали обсуждать «опасный» законопроект, отменяющий черту оседлости. Россия оставалась единственной страной в Европе, отказывавшей иудеям в равноправии, но за узаконенную дискриминацию горой стоял сам государь-император, и «еврей-убийца» стал бы козырем в руках сторонников жесткой линии. Министр юстиции Щегловитов был убежден в ритуальном характере преступления и назначил контролировать ход следствия прокурора Киевской судебной палаты Георгия Чаплинского, чьи антисемитские взгляды ни для кого не были секретом. Другими словами, виновные уже были назначены, оставалось найти лишь конкретного козла отпущения.

Мендель Бейлис под стражей

И его нашли — благо, к расследованию подключились добровольные помощники — черносотенцы из организации «Двуглавый орел», глава которой вспомнил, что неподалеку от места преступления расположен кирпичный завод [Ионы Зайцева](#). Это было очень кстати, тем более, что приказчиком на заводе работал 37-летний Мендель Бейлис.

Ночью 22 июля домик отца пяти детей Бейлиса окружили 15 (!) жандармов, препроводивших приказчика и его 9-летнего сына даже не в участок или тюрьму, а в охранное отделение, где содержали опасных политических преступников. Ребенка через три дня отпустили, а для Менделя все только начиналось.

О «верности» приказчика еврейским традициям свидетельствовало хотя бы то, что он работал по субботам, отдал сына в русскую гимназию и приятельствовал с местным православным священником. Ничего подозрительного в доме Бейлиса обнаружено не было, сам он в день убийства был в своей конторе на виду у множества людей, да и судебная экспертиза не выявила ни одного признака изуверского ритуала (само существование которого опровергали теологи разных конфессий). Это не смутило начальство, но когда и повторная экспертиза не принесла желаемых результатов, в акте просто проигнорировали ее выводы. Следствие склонялось к убийству на уголовной почве — Андрюша дружил с сыном содержательницы воровского притона и скупщицей краденого Верой Чеберяк и, вероятно, был устранен как нежелательный свидетель ее махинаций. Все это было совсем не то, чего ждали от служивых в Петербурге, поэтому честных сыскарей отстранили — так дело Бейлиса стало последним [кровавым наветом](#) в Европе, причем, поддержанным властью на высшем уровне.

Вера Чеберяк

Василий Шульгин

Тем не менее, ритуальная версия рушилась на глазах — ее опровергали как судебные эксперты, так и видные православные богословы. Дошло до смешного — за Бейлиса, не желая выставляться на посмешище, вступились некоторые видные антисемиты, например, член Киевского клуба русских националистов, редактор газеты «Киевлянин», монархист [Василий Шульгин](#). Это стало таким ударом для власти, что номер с язвительно острой передовицей Шульгина был конфискован, а сам редактор приговорен к трехмесячному заключению, которого он избежал благодаря статусу депутата Государственной думы.

Члены судебной палаты ратовали за прекращение дела, председатель окружного суда отказался его вести, но наверху не сдавались — процесс продолжался, а его результатом должен был стать приговор не только Бейлису, но и пяти миллионам его соплеменников в Российской империи. «Правительство обязано признать евреев народом, столь же опасным для человечества, сколь опасны волки, скорпионы, гадюки, пауки ядовитые и прочая тварь, подлежащая истреблению, — писало [«Русское знамя»](#). — Жидов надо поставить искусственно в такие условия, чтобы они постоянно вымирали: вот в чём состоит ныне обязанность правительства и лучших

людей страны».

Суд присяжных

В такой атмосфере готовился суд над приказчиком, и «лучшим людям страны» была отведена в этом фарсе особая роль. Как правило, суд присяжных формировался в основном из дворян, купцов и разночинский интеллигенции, но на этот раз рисковать было нельзя, поэтому обвинение сделало ставку на самые темные слои российского общества. Из 12-ти присяжных пятеро, включая старшину, состояли в «Союзе русского народа», органом которого и являлось погромное «Русское знамя». Несколько крестьян, извозчик, сотрудник почты, мелкий чиновник, служащий вокзала, контролер трамвая, работник винного склада — эти люди не могли ошибиться, поддерживав идеологически правильный и освященный свыше вердикт. Но даже они не взяли грех на душу, слишком уж белыми нитками было шито обвинение, слишком очевидной была ложь свидетелей, терпеливо разоблачаемая защитой.

28 октября 1913 года в 18.00 суд снял с Менделя Бейлиса обвинения в ритуальном убийстве — приказчик был освобожден прямо в зале и вернулся

домой в тот же вечер. Зимой следующего года Мендель с семьей покинет Россию, на шесть лет оседет в Хайфе, а оттуда отправится в Соединенные Штаты, где скончается летом 1935-го.

Семья Бейлиса незадолго до отъезда из Киева

Его дело станет сюжетом десятков книг, нескольких кинофильмов и даже одного вальса. Но так и не оставит следа в киевской топонимике, будто все это происходило не в ста метрах от памятника Богдану Хмельницкому, а в безвоздушном пространстве. Оно и понятно — ведь Бейлис не герой, а жертва обстоятельств, чье имя неуместно смотрелось бы в названии улицы или на памятнике. Но и обстоятельства (тем более такие!) не заслуживают пренебрежения, если мы не хотим повторения истории.

Этим руководствовался инициатор [конкурса](#) на лучшую идею памятного знака, посвященного делу Бейлиса, Вячеслав Москалевский, и независимое агентство «Урбан Кураторы», выступившее в качестве организатора.

Из пяти проектов жюри выбрало работу [Анны Звягинцевой](#) — молодой, но уже известной художницы, участницы Венецианского биеннале и дважды лауреата премии *PinchukArtCentre*.

Анна Звягинцева

Надо признать, идея превратить остановку троллейбуса в творческий объект, несущий информационную и эмоциональную нагрузку — выглядит очень оригинально (Анне помогли архитектурное бюро ФОРМА и графический дизайнер Алена Соломадина). Это не классический памятник, который можно созерцать с разной степенью отстраненности — здесь каждый потенциальный пассажир невольно становится участником исторической реконструкции. Что такое остановка? Вынужденная пауза, которая случается в жизни каждого — пауза, которую порой нечем занять. На этой остановке будет. В углу воспроизведен фрагмент железной клетки для подсудимого — это примета дня сегодняшнего — Бейлис в такой не сидел, но на уровне символа решение работает на все сто. В центре — напротив клетки с одинарным сиденьем — скамейки для ожидающих, реконструирующие скамьи присяжных. Можно

оказаться как в роли обвиняемого, так и в роли вершителя его судьбы — и этот выбор не всегда зависит от нас. Скамьи расположены не вдоль дороги, а напротив места для подсудимого, что вызывает дискомфорт, но скромный приказчик, на которого были направлены взгляды не только присяжных, но и всего мира, испытал этот дискомфорт в полной мере.

Несущей конструкции остановки из бетона придана форма модульной сетки газеты. На ней — избранная информация по делу Бейлиса, цитаты, фото, прямая речь экспертов и т.п. Некоторые плоскости оставлены пустыми — вспомните ромские погромы 2017 — 2018 годов в Киеве, Одессе, Львове и Тернополе — они тоже могут найти свое место в истории ненависти и предубеждений, и частично отражены на стендах инсталляции.

Проект-инсталляция в память о деле Бейлиса

Газета не случайно стала важным элементом композиции — дело Бейлиса было раскрыто благодаря СМИ — начиная с публикации фото убитого мальчика и антисемитской кампании, поднятой черносотенцами, до протестов деятелей культуры в западной прессе.

Впечатление усилит белый тротуар с графической схемой структуры зала заседаний суда — здесь сидел судья, а это — место для адвокатов. Все это выглядит достаточно интригующе и заставляет замедлить шаг, очутившись внутри объекта — не только физически, но и эмоционально.

Рефлексия (точнее, ее отсутствие) — к сожалению, не самая сильная сторона украинского общества. Поэтому масштабная кампания по переименованию улиц, захлестнувшая страну в последние годы, превратилась в фетиш. Ведь прошлое не изживается сменой старой таблички — это дорога с двусторонним движением, где нам отведена роль не пассивных зрителей.

Инсталляция у здания суда, где более 100 лет назад проходил самый громкий процесс в истории Киева — редкий пример соучастия «пассажиров» (а все мы так или иначе куда-то движемся) в акте постижения прошлого своего города. Конечно, предстоит еще получить разрешения на «ребрендинг» остановки и смену тротуарного покрытия, и содействие властей в данном вопросе продемонстрирует, что политика памяти для отцов города — больше, чем галочка в отчете о проделанной работе.

Михаил Гольд, LB.ua